

Вопросы к докладчикам и ответы

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

Какое содержание Вы вкладываете в понятие «постиндустриальное общество»?

Ответ (А.В. Бузгалин):

В термин «постиндустриальное общество» вкладывается несколько смыслов. Выделю два.

Первый: определяющими прогресс являются технологии, лежащие по ту сторону индустриальных, технологии, основанные не на механическом преобразовании материи, а на работе с информационными продуктами, на преобразовании информационных продуктов либо на технологиях, связанных с процессами, использующими сложные физические, химические, биологические и т. п. взаимодействия. Я считаю, что это неудачный термин, поскольку он основан на «пост», и предложил другой подход. И это второй смысл, который мне лично ближе: главной отличительной чертой постиндустриализма является творческое содержание деятельности, сотворчество. Соответственно, в этом случае постиндустриальный мир — это прежде всего креатосфера.

Г.Г. Малинецкий:

Вопрос ко второму докладчику. Правильно ли я понял, что Вы считаете, что религия в будущем России должна играть растущую роль, что мы должны возвращаться к самодержавию, православию и народности? У Вас такая позиция?

Ответ (О.Г. Леонова):

Таких слов и смысла не было ни в тексте, ни в подтексте доклада и моего выступления. Речь идет о возможности и необходимости актуализации того цивилизационного ресурса, которым, несомненно, обладает Россия, — в целях

определения своего места в иерархии и системе координат глобального мира и позиционирования в качестве не только политического или военного полюса, но и полюса цивилизационного.

Вопрос (А.В. Шубин):

И в тезисах первого доклада, и в самом докладе говорится, что выходом является другой принцип социальной организации, тем более что речь идет о русской традиции. Можно ли услышать основные принципы социальной организации?

Вопрос к Ольге Георгиевне. Меня особенно заинтересовало понятие зла. Раз нам надо бороться со злом, то можно ли тезисно услышать, что это такое? Что есть зло? И второе меня также заинтересовало: в каждом из нас дремлют генетические коды, т. е. они не проявляются активно, и в то же время Вы их выявили. Меня интересует метод, т. е. как можно выявить дремлющие коды?

Ответ (О.Г. Леонова):

Термин «зло», конечно же, не является категорией научного дискурса, хотя и относится к области нравственности и морали. В данном случае я процитировала, как считаю, интересную мысль. Данная цитата со сноской на автора полностью приводится в тексте моего доклада (модуль 8). Раскрывая данное понятие, упомянутый мною уважаемый автор ставит вопрос о нравственности как условии выживания человеческой цивилизации.

Что касается второго вопроса, то, очевидно, уважаемый оппонент был недостаточно внимателен. Ни в тексте, ни в своем выступлении я не утверждала, что «выявила дремлющие генетические коды», хотя указываю на их наличие.

Генетические коды — термин, широко используемый сегодня в социально-гуманитарных науках, особенно в рамках цивилизационного дискурса. Однако до сих пор нет общепризнанной трактовки данного понятия, которую разделяли

бы и философы, и историки, политологи и культурологи. Зачастую данный термин подменяется понятиями «культурные коды», «исторические коды», «цивилизационные коды», что, на мой взгляд, не совсем правомерно. В докладе под генетическими кодами понимается совокупность архетипов и стереотипов сознания, сформированных и запечатленных в сознании людей в ходе исторического развития данной цивилизации. Это можно считать рабочим определением, которое, разумеется, нуждается в своем уточнении и может быть предметом дальнейших дискуссий.

Когда социальные и политические процессы протекают стабильно, и общество находится в устойчивом состоянии, данные «генетические коды» находятся в латентном состоянии. Однако в точках бифуркации они могут проявлять себя достаточно активно. Подробнее об этом можно прочитать в ряде известных монографий и учебных пособиях¹.

А.В. Шубин:

Правильно ли я понял, что зло — это агрессивное и инстинктивное? Инстинкты — это зло? Агрессивность — это зло?

О.Г. Леонова:

Очевидно, что мысль автора в приведенной мною цитате (см. текст доклада, модуль 8) Вас весьма заинтересовала. Сам автор цитаты подробно говорит об этом. Могу лишь добавить от себя небольшой комментарий. Инстинкты бывают злом, если они берут верх над человеком и начинают доминировать над его сознанием. Разумеется, здесь имеются в

¹ *Кульпин Э.С.* Генетические коды цивилизации // Генетические коды цивилизации. М., 1995; Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999; *Давиденко И.В., Кеслер Я.А.* Книга цивилизаций. М., 2001; Цивилизации. Вып. 1 и 2. М., 2005; *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000; *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; *Ильин В.В.* Мир Globo: Вариант России. Калуга, 2007; *Большаков В.И.* Грани русской цивилизации. М., 1995; *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. М., 2004 и др.

виду так называемые «низменные» инстинкты и потребности. Об этом сегодня так много пишут и говорят, что нет необходимости повторять общие тезисы. Неслучайно сегодня на самом высоком уровне поставлена задача разработки программы «Духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения».

Ответ (А.В. Бузгалин):

Коллеги, я не раз излагал в разных аудиториях позитивную программу, которая включает и программу-минимум, и программу-максимум. Программа-минимум сформулирована в ряде международных документов — в Хартии Порто-Алегре и ряде других документов мировых и континентальных социальных форумов.

Очень коротко. Это, во-первых, общедоступность благ, являющихся по своей природе общественными, т. е. природных благ и феноменов культуры; как следствие — общедоступность, бесплатность образования, здравоохранения, информации; и как следствие общедоступности природных благ в условиях рыночной экономики (это программа-минимум) — использование ренты со всех природных ресурсов на решение социальных, гуманитарных, экономических вопросов *всего* человечества и прежде всего глобальных проблем — экологической, бедности и т. п. Основная идея: нефть, газ, уголь, уран и т. д. принадлежат всему человечеству, ибо они созданы Природой. Соответственно, рента от них идет на развитие человечества, а не частного капитала.

Во-вторых, программа-минимум предполагает нечто вроде социального консенсуса как альтернативы Вашингтонскому консенсусу. В этом случае система социал-демократических принципов, известных по скандинавской модели, дополненная идеями новых социальных движений, распространяется на принципы взаимодействия мирового сообщества. Это прогрессивный подоходный налог, гарантированный минимум выше прожиточного минимума, обязательное

социальное страхование и социальное партнерство, социальная ответственность бизнеса и т. п.

Существует миф: для того чтобы была реализована социальная модель, нужно быть богатым. Это неправда. Доля расходов на заработную плату и социальные цели в Швеции в три раза выше, чем в России. Это значит, что *долю* (т. е. меру социализации) мы можем повысить без всяких проблем в любой точке Земли, сократив долю расходов на остальные параметры. Есть очень известное возражение: эта программа нереалистична, она футуристична, ее нельзя реализовать. Сразу скажу об этом. Уважаемые коллеги, хочу напомнить, что чуть больше 100 лет назад (в конце XIX в.) 8-часовой рабочий день также выглядел абсолютно футуристичной и нереалистичной задачей, а те, кто пытался ее реализовать, были не раз репрессированы, а то и расстреляны — в том числе и в США.

Программа-максимум — это программа демократического социализма, который вам хорошо известен. В области объектов всеобщей собственности этот проект совпадает с программой-минимумом: знания, образование, культура, здравоохранение — общедоступны; в политической сфере — базисная демократия и самоуправление; гражданское общество обладает основной властью. Собственно в материальном производстве переходные принципы от рыночного социализма к демократическому планированию и социализация, а не огосударствление собственности. Подробнее об этом в наших с А. Колгановым книгах: «Будущее коммунизма» (М., 1995) и «Пределы капитала» (М., 2009).

Реплика (А.И. Неклесса):

Коллеги, позвольте ремарку. Сейчас актуализируется дискуссия о проблеме института наследования как такового и о связанном с ним вопросе о налоге на наследство. Возникает мысль об объединении налога на наследство с проблемой выкупа общего наследия человечества, т.е. авторских прав на

определенный класс авторских произведений в различных областях и обращении их в публичное достояние. Данная операция представляет собой транзитную форму между существующим порядком вещей и формирующимся креативным обществом.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Александр Владимирович, я прочитал текст Вашего доклада — он отличается от того, что Вы говорили. Вопрос по тексту: у меня создалось впечатление, что Вы знакомы со статьей Юргенса и во многом с ней пересекаетесь. Первый мой вопрос касается Вашего отношения к статье и позиции Юргенса, Гондмахера и др.

Второй вопрос. У Вас прекрасное видение хорошего будущего. Есть ли у Вас какие-нибудь расчеты возможностей экономической реализации (и не только экономической), а расчеты вообще — в рамках рыночной, либеральной, неталитарной экономики?

Ответ (А.В. Бузгалин):

Я не знаю, читал ли Юргенс Бузгалина, но я о стратегии опережающего развития и «Экономике для человека» пишу уже лет 20–25, так что этот вопрос не ко мне. Мое отношение к тому, что написал Юргенс с компанией, отрицательное, потому что там содержится набор социально — и гуманитарно-ориентированных общих деклараций, а реальные практические шаги предлагаются прямо противоположные.

Что касается отличия моего текста от устного доклада, то я считал неправильным пересказывать текст, с которым, как я надеялся, коллеги ознакомились. Я дал лишь некоторые жесткие комментарии и отметил реперные точки.

Теперь о расчетах. Во-первых, в рамках рыночной, либеральной модели реализовать то, что я предлагаю, нельзя. Предлагается как раз *изменение правил игры*, если говорить на языке неоинституционализма, или социально-экономическая

реформа — как минимум, а лучше — революция, если говорить на языке марксизма. Только я подчеркну, что революция — это качественное изменение социальной системы, а не военный переворот или штурм Зимнего дворца.

Теперь пару слов о том, что происходило и происходит в мире. Мы немного недооцениваем тех изменений, которые происходили в XX в., в том числе — нереволуционным путем. Очень многое из того, что кажется нормой в социал-демократической модели Западной Европы второй половины XX в., 70–80 лет назад выглядело абсолютно утопическим, архиреволуционным проектом (всеобщее среднее и в основном общедоступное высшее образование, разрыв 10% бедных и 10% богатых в 7–8 раз, социальные пособия, достаточные для безбедной жизни...).

Два слова о «тоталитаризме». Во-первых, я не люблю этот термин: он навязан в связи с оголтелой критикой левых идей и довольно мало содержателен. Во-вторых, есть разница между нерыночной и тоталитарной системами, хотя у нас обычно полагают, что если система нерыночная — значит тоталитарная. На мой взгляд, это совершенно некорректно. Рыночная система так же может быть тоталитарной. Пиночевская модель в Чили — это максимально (естественно, по меркам XX в.) свободный рынок, созданный в соответствии с рекомендациями «Чикаго-бойз», и очень жесткий тоталитаризм, точнее — фашизм в политической сфере. В то же время социал-демократическая модель в Скандинавии (при всех ее недостатках) — это весьма продвинутая система демократизации власти, сильного гражданского общества и т. п., но при этом — экономика, где более 50% ВВП перераспределяется государством, где очень активно государственное регулирование и велика социальная защищенность. Если проводить эту линию, то будущее — это построение, но при этом более демократичная, чем сейчас, система.

Что касается расчетов: мне кажется, что можно рассчитывать лишь некоторые материальные параметры этой буду-

щей модели. Простейшие оценки показывают, что ресурсов для реализации этой модели достаточно. Другое дело, как их распределить и на что их использовать? Один из ключевых аспектов состоит в том, что сегодня развитые страны большую часть ресурсов используют не для того чтобы обеспечивать развитие человеческих качеств.

Вопрос (В.Л. Римский):

Я бы хотел, чтобы Вы пояснили свою позицию по поводу авторских прав в новом мире, т. е. какова будет у творца мотивация творить, если, условно говоря, он мог бы получить миллиард, а получит миллион? Какова будет мотивация тех же медицинских компаний поставлять свои препараты, если это можно сделать по ценам в 100 раз более высоким, а их заставят продавать по низким ценам? Конечно, здесь самое важное не медицинские препараты, а информатика, информационный продукт. Как с этим быть?

Ответ (А.В. Бузгалин):

Спасибо, это ключевой вопрос. Мотивация для компаний состоит в том, что они будут получать среднюю прибыль, хотя не будут получать ренту. Сегодня от интеллектуальной собственности они получают и ренту, а не только прибыль. В предлагаемой нами модели у частных фирм в области создания новой информации будет такая же мотивация, как у производителей в аграрной сфере, в промышленности, в образовании — они будут получать среднюю прибыль. Для бизнеса этого достаточно. Они начнут конкурировать, и у кого-то эта прибыль будет чуть больше, а у кого-то — чуть меньше. Сегодня же частная собственность на информацию дает не прибыль, она дает интеллектуальную *ренту*, точно также как частная собственность на землю дает земельную ренту. Как известно, капитализм может развиваться и развивается в ряде случаев без частной собственности на землю, и при этом даже лучше развивается. Поэтому крах капитализ-

ма в случае отказа от частной собственности на информацию автоматически не произойдет. Другое дело, если у фирм будет выбор — производить с рентой или без ренты, — они будут стремиться производить с рентой. Вот тут и встает задача не дать им такого выбора. Точно так же как буржуазия провела антифеодальную революцию, отняв у помещиков землю и передав ее крестьянам и буржуа, точно так же здесь стоит задача передать информационные права их создателям, но не в качестве частной собственности.

По поводу мотивации творца. В большинстве случаев в условиях современного рынка творец не получает вознаграждение за созданные им интеллектуальные блага, потому что частная собственность на них принадлежит не ему, а фирме, которая нанимает творца. Поэтому для *творца*, по большому счету, с отменой частной собственности на информацию, как правило, мало что изменится. Это первое. Второе. У творца останется денежная мотивация, связанная с вознаграждением за его *труд*, но не с рентой. То есть, если вы — очень высококвалифицированный создатель программного обеспечения, то вы по-прежнему будете получать сотни тысяч или миллионы долларов в год, как вы их сейчас получаете (если, конечно, устроились у Гейтса или в подобной фирме). Но никто не будет получать десятки миллиардов долларов, как получает Билл Гейтс. Мотивация работает.

Далее. Для творца как такового главной мотивацией является сам процесс творчества — самомотивирование деятельности — при обеспечении всех необходимых материальных предпосылок для этого творчества. Сегодняшний творец — это противоречивое переплетение «человека экономического» — того, кто хочет как можно больше денег, — и собственно творца, который желает прежде всего самореализации. У одного доминирует сознание самореализации и он (я говорю про Запад) идет работать в государственный университет, где получает некий минимум, а другой любой ценой пашет по 14 часов в фирме. Сегодня творец хочет денег примерно

так же, как буржуа в XVIII в. хотел быть дворянином. Если вы помните Мольера «Мещанин во дворянстве», то это классический пример абсолютно нерационального, с рыночной точки зрения, поведения агента рыночной экономики. Он тратит гигантские деньги на пустышку, которая не принесет ему больше денег, — на то, чтобы считать себя дворянином. Точно так же сегодня творец часто тратит очень много сил и своего творческого потенциала на то, чтобы заработать деньги, которые на самом деле ему не нужны для самореализации его творческого потенциала. Творцу не нужен роллс-ройс, ему достаточно иметь возможность без пробок доехать из одного места в другое оптимальным образом — это может быть и метро, и такси, и велосипед, а роллс-ройс здесь вообще не причем.

Реплика (А.И. Неклесса):

Позволю высказать несколько замечаний. В мире протекают процессы, связанные с изменением как мироположения на уровне общества, так и целеполагания на уровне личности. Способность человека к производству нематериальных активов и особенно такого их сегмента, как творческие ресурсы, повысило значение многих реалий, слабо оцениваемых или вообще не учитываемых в прошлом. Все большее внимание уделяется внутреннему формату личности, ее творческому потенциалу, условиям его актуализации. Но выясняется, что функционирование личности в, скажем так, «индустриальных» регистрах порою существенно снижает ее творческий потенциал и губительно действует на то, что можно определить как «уникальное состояние». Иначе говоря, личность, способная к плодотворным уникальным состояниям, не может функционировать по законам индустриального общества, в том числе пребывать в рыночной процедуре — одно убивает либо существенно искажает и, порой, калечит другое. Если раньше выбор в направлении рыночных категорий — финансового заработка — зримо до-

минировал, то развитие процесса становления креативного общества приводит к тому, что доминанта меняется. Все это порождает целый комплекс проблем и вопросов, но это процесс, который прослеживается в мире именно как вектор к иному мироустройству.

Вопрос (М.В. Ремизов):

У меня два вопроса. Вы выступаете за преодоление модели периферийного развития. Что называется, все «за». Вы показываете курс ухода с моральной периферии, т. е. демонстрируете моральный путь России к лидерству с той периферии мира, где она сейчас находится в моральном и социокультурном смысле. А вот экономический путь выхода из периферийного развития я, по крайней мере, не увидел. Я не понимаю, каким образом социальная экономика, выстроенная вокруг сферы социальной рекреации, создаст те сферы высокой добавленной стоимости, которые будут способны передвинуть нас с периферии мир-экономики ближе к ее центру. Точно так же я не вижу здесь потенциала создания альтернативной мир-экономики, которая отгородилась бы от глобальной экономики и создавала собственную локальную мир-экономику.

И второй вопрос, связанный с первым: Вы говорите о преодолении в рамках нынешних рыночных правил игры — вероятно, в рамках отдельно взятой страны. При этом Ваша конечная перспектива имеет явно глобалистский характер. Не боитесь ли Вы, что диалектика реализации Вашей идеи — системных преобразований в рамках отдельно взятой страны — приведет к тому же, к чему она привела и большевиков?

Ответ (А.В. Бузгалин):

Начну с конца. Любые качественные преобразования сопряжены с очень большими рисками. Угрозы, связанные с буржуазной революцией, были ужасны. Цена, которую человечество заплатило за переход к рыночной экономике, ка-

питалистическому типу собственности и демократическому политическому устройству, чудовищна. Если бы человека, который выдвигал эти идеи, — скажем, Вольтера — спросили, не боится ли он заплатить такую цену, я не знаю, что бы он ответил.

Теперь относительно того, что мы уйдем в другую сторону. Думаю, это маловероятно, поскольку преобразования предлагаются не в одной стране (я просто не смог это развернуть), а в интернациональном масштабе. Реализовать этот проект одна из стран способна лишь в диалоге с глобальными сетями. Россия сама не может придерживаться других правил игры, но может стать субъектом, который окажется своего рода родиной для мировых сетей, работающих по этим правилам. Вот, скажем, есть сеть Linux, которая предлагает бесплатное программное обеспечение. Россия становится субъектом, который поддерживает эту модель, эту сеть бесплатного программного обеспечения. Есть сходные образовательные, экологические и т. п. сети. Один из маленьких прообразов в этой связи — это то, что сегодня делают левые правительства в ряде штатов Бразилии, Чавес в Венесуэле и, возможно, где-то в других странах Латинской Америки. Это регулярная поддержка социальных движений, неправительственных организаций левой демократической ориентации — экологов, миротворцев, профсоюзников, поддержка крестьянских движений и т. д. Россия должна стать центром, который будет взаимодействовать с этими сетями. Во многом в иррациональной форме это реализовывалось в конце 1950 — начале 1960-х гг. (например, Всемирный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в СССР в 1957 г.). Тогда мы действительно дружили с огромным числом интеллектуалов, с пацифистами и т. д. и т. п. Это было не случайно, хотя такая тенденция и не привела к окончательному успеху.

Что касается реализуемости проекта, о котором я говорю, то должен сказать, что сейчас это скорее интеллектуальный

проект, чем политическая программа. Мне кажется важным предлагать теоретические проекты. А вот как превращать их в политические программы — это второй вопрос, о чем я здесь просто не говорю.

Еще один вопрос: что считать экономикой? Если в ВВП включать все, что создается в секторе, условно названным мною превратным, — это одно. Если включать все, что обеспечивает развитие человеческих качеств, то это другое. С моей точки зрения, весь ВПК, все предметы роскоши, 90% масс-медийной продукции, процентов 80 услуг финансового сектора, процентов 80 услуг транзакционного сектора, т. е. посредников — все это создает ненужные блага. Вообще-то даже автомобильная промышленность процентов на 80 создает ненужные блага. В экономиках, реализующих новую модель, объем ВВП за счет резкого сокращения производства фиктивных благ будет резко занижен. И хотя необходимых для развития человека благ они будут производить больше, формально их ВВП на душу будет ниже, чем у нынешних «лидеров». Однако, на мой взгляд, люди, которые ездят на велосипедах, богаче тех, кто ездит на машинах.

М.В. Ремизов:

Вы критикуете периферийную имперскость, периферийное сознание. Не будет ли это периферией, которая считает себя центром мира, но при этом, с экономической точки зрения, является глубочайшей провинцией, где люди ездят на велосипедах и именно этим счастливы.

А.В. Бузгалин:

Я попробую пояснить это при помощи исторической параллели. Когда-то, веке в восемнадцатом, — с точки зрения Российской (или Французской) империи, имевших блестящий двор, самые большие в мире армии и массу других достоинств, если исходить из критериев, которые характерны для феодализма, — Нидерланды были периферией. У них

не было блестящего двора, их правитель не имел расшитого бриллиантами камзола и огромного числа слуг. Это была периферия, глухомань. Но у них имелись новые критерии прогресса, и они победили. Россия, по моей модели, создаст великолепные системы образования, здравоохранения. Это будет страна, в которой будет производиться мало легковых автомобилей, а на месте «рублевок» будут общедоступные парки, где люди будут жить 120–150 лет, имея 20–25-летнее образование, получаемое в рамках модели «образование через всю жизнь» и занимающиеся 30–35 часов в неделю любимым делом. Это будет страна, граждане и гости которой будут дышать чистым воздухом, есть нефальсифицированные продукты, носить красивую одежду, а не одежду, которая модна, и ездить на велосипедах. Я думаю, что эта модель победит ту модель, которая сейчас нам кажется единственно возможной. Поверьте, в XVIII в. идея, что дворянин может сравняться с крестьянином, выглядела ничуть не менее утопичной.

М.В. Ремизов:

И в продолжение вопроса В.Л. Римского — о мотивах компаний, которые занимаются инновационной деятельностью. Я возвращаюсь к нему потому, что, честно говоря, Ваш ответ по поводу ренты меня не совсем удовлетворил.

В обычной рыночной экономике можно договориться о стандартной норме прибыли. Но если мы говорим о механизме инновационного развития, т. е. о том моторе инновационного развития, который строит капитализм, то он тесно связан со стремлением к монопольной ренте — по крайней мере, к временной монопольной ренте. Он создает механизм, согласно которому это стремление делает капитализм генератором постоянных технологических революций. Есть ли у Вас альтернативный генератор, если это стремление к ренте Вы убираете? Или Вы вообще не согласны с такой постановкой вопроса?

Ответ (А.В. Бузгалин):

Я принадлежу к тому поколению, которое было обязано читать Маркса, поэтому я знаю механизм извлечения избыточной прибавочной стоимости. Он никак не связан с монопольной рентой; он связан исключительно с тем, что первый внедривший новшество предприниматель в течение короткого времени, пока оно не становится общераспространенным, получает дополнительный доход от повышения производительности труда. И это является достаточным стимулом для инноваций в конкурентной среде — даже там, где нет никакой интеллектуальной ренты. Когда это новшество становится общим, оно повышает общую производительность труда и тем самым продвигает капитализм в целом, позволяет извлекать больше относительной прибавочной стоимости всем предпринимателям и более обогащаться всему классу капиталистов. Маркс доказывает, что это возможно без частной собственности на know-how.

Вопрос (В.Г. Буданов):

Вы говорили о нежелательности инстинктов, предполагаете некое центрическое начало. Инстинкты, как известно, не только борьба за выживание, но и симбиотические инстинкты, сотрудничество. Животные лишнего не возьмут, хищник лишнего не будет забивать. А вот у человека с этим как раз бывает иногда перебор. Вы говорите: не дай бог следовать инстинктам! Но, может быть, это не так уж плохо? Является ли совесть инстинктом?

Ответ (О.Г. Леонова):

Инстинкты, как известно, бывают разные и здесь необходимо отделить «зерна от плевел». Не думаю, что совесть — это инстинкт, т. к. «жизнь по совести» предполагает некую рефлексию. А поступки «по совести» даже в некоторых случаях могут противоречить инстинкту самосохранения. И любовь

к ближнему, которая нам была заповедана, ни в коем случае не является инстинктом, поскольку предполагает определенное самопожертвование человека, определенное отрешение от своего Я. Возможно, это то, на чем будет зиждиться будущий мир, это та «духовно-нравственная альтернатива», о которой писал А.С. Панарин. Как известно, Запад утверждает определенную иерархию ценностей, во главе которых стоят успех, деньги и карьера. Россия должна предложить альтернативные критерии оценки, иную иерархию, по которой не только экономический, материальный успех определяют ценность человека или цивилизации.

Вопрос (В.Г. Буданов):

Еще один вопрос — по поводу определения постиндустриального общества. Правильно ли я понимаю, что это творческая, созидательная деятельность? Подобного рода деятельность возникает в большей степени тогда, когда среда плохо контролируется, очень вариативна. Сегодня мы это наблюдаем, имея в виду в основном бизнес-среды, современные интеллектуальные среды. Давайте вернемся в первобытное общество. Природа — это постоянный сюрприз, постоянный вызов. Человек первобытный обладал прекрасными креативными способностями, великолепной интуицией, которая сегодня утрачена, поэтому наблюдаемое сегодня и есть постиндустриальное общество. Правильно я сказал?

Ответ (А.В. Бузгалин):

Коллега, я не самый большой специалист по первобытным системам, но то, что я знаю, свидетельствует: эти системы были жестко антикреативны и традиционны; и охотились, и собирали там все время по одной и той же модели. Поэтому развитие было минимальным, а свободное время сводилось к нулю. Среда была на самом деле очень стабильной. И если она хоть немножко менялась, то племена просто вымирали.

Реплика (А.И. Неклесса):

Коллеги, антропологические исследования, действительно, подтверждают косность, ригидность первобытного общества. Но я бы отметил еще один — не слишком, кстати, очевидный — фактор: те сдвиги и достижения, подчас действительно революционные, которые отмечались в архаичных сообществах, происходили на протяжении весьма длительных временных отрезков, которые совершенно несопоставимы со скоростью изменений в наше время. Кстати, сама концепция постиндустриального общества претерпевает стремительную трансформацию. В конце 1960-х гг. прошлого века оно понималось как «общество услуг». Затем — как «информационное», «когнитивное», «креативное общество». Еще я бы обратил внимание на то обстоятельство, что стремительная «постиндустриализация» совершается на основе вполне материальных высоких технологий. Это важный момент, который я стараюсь выделять: постиндустриальное не есть синоним нематериального. Это симбиоз высоких технологий, техник, изделий самого разного рода — материальных и нематериальных, — с нематериальными активами и капиталами, с дарами творчества и продуктами информатики. Все это вместе взятое позволяет вести серьезный разговор и серьезно рассматривать в непривычном свете такие инновации и технологии, как социальные и антропологические.

Вопрос (А.Н. Окара):

У Вас, Александр Владимирович, в докладе много говорится о креатосфере, о креативном классе. У меня вопрос: где внутри этого креативного сообщества, внутри людей, которые занимаются этой креативной деятельностью, и внутри этого продукта есть критерии различия того или иного продукта или его части? Условно говоря, креативный класс — в том понимании, как об этом говорит Ричард Флорида, — это поколение продюсеров, пиарщиков и т. п., чья

ценность с точки зрения логики развития общества, наверное, и у Вас, и у меня, и у многих вызывает сомнения. И, скажем, та часть креативного продукта, которая развивает общество и человека. Где критерий? Как этот механизм различения работает?

Ответ (А.В. Бузгалин):

Отвечу коротко на очень сложный вопрос. Критерии могут быть внешними. В рыночной экономике это успешность творца. По этому критерию пиарщики и рекламщики являются наиболее успешными и креативными. Но может быть другой внешний критерий — мера вклада в развитие человеческих качеств. В этом случае воспитатель детского сада гражданским обществом должен быть оценен максимально. Это может быть оценка не только в виде заработной платы, хотя она должна быть достаточно высокой, но и в виде, скажем, социального престижа.

Есть еще внутренняя самооценка по критериям креатосферы. Здесь ценность определяется тем, какой вклад в культуру ты вносишь. Очень условно это можно определять по принципу читаемости, цитируемости, используемости для сотворчества в историческом измерении. Это очень сложная вещь. Внутренняя креативная оценка — это оценка креативного сообщества, она не верифицируема. Это принципиально.

А.Н. Окара:

Второй вопрос у меня к Ольге Георгиевне. Вы говорили о центрах силы, о том, что необходимо всем объединиться, чтобы противостоять или противопоставить свои ресурсы и возможности американскому центру силы. Как Вы себе это представляете? Зачем это необходимо сделать? Для торжества добра или для того, чтобы языческая культура стала православной? Кстати, в Вашем понимании, языческая культура — это что?

Ответ (О.Г. Леонова):

Понятие «центр силы» в моем докладе употребляется исключительно в геополитическом контексте, и было бы неверно сводить его, быть может, в более привычную для уважаемого оппонента, культурологическую плоскость. Сегодня во всем мире идут интенсивные интеграционные процессы (АСЕАН+3, МЕРКОСУР, ШОС и др.). Многие страны стремятся объединиться в союзы и блоки, чтобы закрепить свои позиции (экономические, политические, военно-стратегические) в глобальном мире в качестве претендентов на центры силы. При этом они решают в основном геополитические задачи и вряд ли задумываются при этом о «торжестве добра», хотя «борьба с мировым злом», которое зачастую отождествляется со страной — глобальным лидером, присутствует в риторике лидеров ряда развивающихся стран, в основном мусульманского мира.

А.Н. Окара:

А в чем состоит миссия России?

О.Г. Леонова:

На этот вопрос я постаралась дать ответ в своем докладе (см. модуль 8), с текстом которого, как я полагаю, Вы предварительно ознакомились. Добавлять к этому нечто кардинально новое вряд ли необходимо. Ведь это будет означать, ни много ни мало, как «с ходу» переформатировать, переосмыслить миссию страны (!). А вот сделать уточнение по поводу содержания данного пункта доклада, пожалуй, стоит. Довольно долгое время я отслеживала идеи, которые были высказаны на данный счет представителями политического истеблишмента, деловых кругов и культуры. Наиболее интересными и глубокими мне показались мысли и идеи, высказанные Патриархом Кириллом (в том числе и в бытность его Митрополитом Смоленским и Калининградским). Проанализировав и обобщив более тридцати выступлений и статей

Патриарха, я увидела целостную и развернутую концепцию или профетическое видение миссии России в современном глобальном мире. Полностью разделяю эти идеи и мысли.

Разумеется, миссия России остается вопросом спорным и дискуссионным. Считаю, что научной общественности необходимо искать ответы на него сообща.

Реплика (А.И. Неклесса):

Ольга Георгиевна, в своем докладе Вы говорили об императиве христианизации языческого мира. Во вступительном слове я выразил определенные сомнения по поводу данной формулировки, но воспринимал ее как констатацию цивилизаторской, культуртреггерской роли европейской христианской цивилизации по отношению к архаичному миру, где существовали и человеческие жертвоприношения, а кое-где сохранялся даже каннибализм. Равно как и другие категорически не совпадающие с современностью явления из области человеческой практики. Да, на протяжении веков происходило распространение и утверждение христианской культуры в глобальном масштабе. Сейчас процесс прерван, и глобализация протекает по другим лекалам. Однако своим ответом Вы внесли некоторое смущение в мое понимание: собственно, о каком процессе идет речь? О процессе внутри России — т. е. о взаимодействии между христианской культурой и другими, нехристианскими, в том числе политеистическими конфессиями, или все-таки о мировом процессе? Если так, то возникает вопрос: а как Вы относитесь к таким цивилизациям, как, скажем, индийская или китайская? Получается, что они языческие и требуют наличия определенного конфронтационного к ним отношения?

Ответ (О.Г. Леонова):

О необходимости христианизации языческого мира говорил Патриарх Кирилл в своем выступлении на пленарном заседании XVI Международных Рождественских образова-

тельных чтений², на которое я ссылаюсь в докладе. Считаю необходимым добавить от себя, что сегодня имеются явные попытки внедрения и актуализации в социальном контексте российского общества некоторых чуждых нам категорий либерального мировоззрения и неоязыческих традиций с их культом удовольствия, комфорта и мотивами дионисийства. Изучая данную проблему (что отражено в ряде моих публикаций), я пришла к выводу, что они имеют своей целью хаотизацию народного сознания и перекомбинацию, переозначивание национального исторического и культурного опыта. Результатом является секуляризация сознания, регрессия его к языческой картине мира, отвращение от традиционных ценностей православия, повышенная восприимчивость к нигилистическим и контркультурным идеям.

Сегодня много говорят и пишут о том, что необходимо противопоставить данному чуждому, а зачастую и энтропийному процессу национальную традицию, национальную культуру, некий цивилизационный заслон. Естественно, каждая цивилизация это делает по-своему, исходя из своей традиции, культуры. Опыт показывает, что у Китая и Индии это получается весьма удачно.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

На сегодня Россия стремительно теряет свои жизненные потенциалы, основания быть фактором мирового развития. Скоро ее нефть и газ перестанут быть нужными Западу, валютные поступления иссякнут, покупать машины, оборудование, продовольствие и лекарства будет не на что.

Вопрос: что может поменять эту траекторию? В чем ресурс страны, который может быть востребован, чтобы в XXI в. Россия не только на карте мира осталась государством, но и была бы фактором мирового развития? В чем этот уникальный ресурс, который надо вскрыть и применить?

² Доклад на пленарном заседании XVI Международных Рождественских образовательных чтений 29 января 2008 г. С. 115.

Ответ (О.Г. Леонова):

На Ваш вопрос, что останется в России, когда иссякнет нефть, я бы хотела ответить словами из книги А.С. Панарина «Глобальное политическое прогнозирование»: это резервы внутренней цивилизационной памяти.

Развивая данную мысль, хотелось бы отметить следующее.

Чтобы Россия «не только на карте мира осталась государством, но и была бы фактором мирового развития»; чтобы раскрыть и применить ее уникальный цивилизационный ресурс необходимо решить следующие задачи.

Во-первых, актуализация констант национального сознания, что даст нравственные ориентиры, вытекающие из традиций национальной культуры. Это необходимо для самоидентификации себя как нации, для познания места России в истории мировых цивилизаций, для определения стратегии и тактики сохранения своей уникальной культуры в процессе глобализации.

Во-вторых, успешное развитие экономических, политических и социальных институтов, выживание общества в целом возможно только на основе соблюдения нравственных законов национального бытия. Утрата национального сознания с его духовно-нравственным константным ядром является предпосылкой деградации не только личности, но и общества в целом.

В-третьих, сегодня через СМИ идет активная и довольно успешная проповедь идей вседозволенности и культа удовольствий. Деструктивные идеи Ницше (человек — это «уродливое и больное животное») популяризируют в косвенной форме через потакание чувственным инстинктам, через насаждение эталонного типа «человек-потребитель». На смену бинарному мышлению, где присутствуют два четких полюса — «добро» и «зло», приходит медиальное мышление, в котором эти грани размыты, а данные понятия порой совмещаются. (Отсюда появление героя, который борется со злом, используя еще большее зло). Поэтому сегодня необхо-

димо проводить работу по *восстановлению бинарного типа мышления*, которое является гарантом жизнеспособности и духовного здоровья нации.

В-четвертых, борьба с социальными язвами современного общества — наркоманией и алкоголизмом — традиционными средствами, т. е. уговорами, разъяснениями вреда, санитарным просвещением, лекциями и проч., оказалась неэффективной. Причина такой неэффективности состоит в том, что человек при этом не имеет достаточной внутренней мотивации для самостоятельной борьбы с болезнью (не только телесной, но прежде всего духовной). Считаю необходимым с детства вводить для человека *понятие греха*. Религиозные нормы, идеалы и духовные ценности, в том числе понимание природы греха, способны создать *внутренний стимул, сильнейшую внутреннюю мотивацию для борьбы с ним*. Если в России будет утрачено понятие греха и заменено понятием абсолютной свободы, то будущее общество окажется нежизнеспособным и обреченным на самораспад под воздействием таких страстей, как убийства, воровство, наркомания, алкоголизм, проституция и т. д. Основы национальной культуры (и религиозной культуры в том числе — как ее важной составной части) призваны утвердить понятия добра, справедливости и святости (неприемлимости греха) не путем внешнего принуждения и нотаций, а путем создания у молодого человека *внутренней мотивации и потребности борьбы с грехом* через веру.

Ответ (А.В. Бузгалин):

Мне надо за одну минуту ответить на самый фундаментальный вопрос. Сначала я отвечаю на первый вопрос, который был задан не мне: о миссии России. Если очень коротко, то у России есть и будет возможность обеспечения приоритетов в сфере образования, культуры и экологии. Это самые главные ресурсы развития XXI века. Главный товар нынешнего века — это образование не как создание услуги, а как

формирование человеческих качеств. Здесь у нас есть ресурс, здесь мы можем быть первыми.

Что касается связи моего доклада с темой семинара. Я не пытался претендовать на то, чтобы в коротком докладе отразить все мировые тенденции развития России в XXI в. Я попытался показать лишь одну идею: *в новом веке прогресс будет определять траектория приоритетного развития неотчужденной творческой деятельности*. Та страна, которая «оседлает» эту траекторию, выиграет в этом столетии. Точно так же, если бы меня спросили, что такое мир в XVIII в., я бы вам сказал, что это эпоха генезиса индустриальных технологий и капитализма; и та страна, которая максимально откажется от феодальных пережитков и перейдет на траекторию развития индустрии при помощи капиталистических отношений, выиграет. Сейчас я говорю, что основная траектория XXI в. — это траектория генезиса креатосферы в неотчужденных формах. Та страна, которая первая «оседлает» эту траекторию, выиграет.

А.И. Неклесса:

Благодарю вас, Ольга Георгиевна и Александр Владимирович! Но прежде чем перейдем к дискуссии, хочу сделать несколько замечаний по поводу обсуждения.

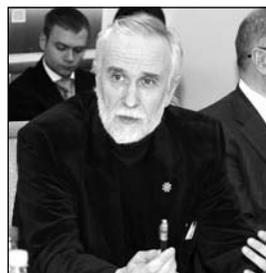
Во вступительном слове я отметил, что центром обсуждения на семинаре является Россия, складывающаяся и прогнозируемая в ней ситуация. То, что я услышал в докладах и вопросах-суждениях, это скорее рекомендации, пожелания, нежели прогнозирование ситуации. Безусловно, рекомендации важны. Но меня смущает, что мы избегаем такой темы, как прогнозирование. Прогнозирование места России в новом мире, прогнозирование событий, которые могут развернуться в России в новом столетии. Все это наводит на не слишком приятную мысль, что сознательно или подсознательно мы считаем ситуацию в России и ее будущее настолько неприглядными, что избегаем прогнозировать негативные тренды

в их становлении и развитии. Простите, но это повторение уже один раз пережитой ситуации выхолащивания общественных наук и, тем более, социального прогнозирования в СССР. Итог — СССР больше не существует. Те негативные тенденции, которые были столь очевидны в прошлом веке, не сводились в сценарии событий, а соответственно отсутствовали и контрсценарии и вообще альтернативные подходы к сценированию и прогнозированию в целом.

Другими словами, высказывая пожелания о мерах, которые могли бы повлиять на ситуацию, мы совершенно не говорим о наиболее реальных сценариях будущего России в наступившем веке — что есть основная тема нашего сегодняшнего обсуждения, — предпочитая обсуждать ситуацию в мире и других странах. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на те упреки, которые прозвучали по поводу весьма интересного доклада Александра Владимировича. Проекты и факты, приводимые в докладе, уже реализуется в мире, чему приводились подтверждения — из практики Бразилии, США, из практики Скандинавских стран. Остается центральный вопрос: какое именно отношение это все имеет к России XXI века? Возможна ли реализация подобных проектов в нынешней России в принципе? Или надо внимательнее взглянуть в те специфические процессы, набирающие силу в стране, и исходить из прогнозирования ситуации не абстрагируясь от них и не переходя в регистр благих, но имеющих мало отношения к российской реальности пожеланий.

На этом тезисе я объявляю перерыв. Хочу пожелать всем нам в ходе дискуссии обсуждать вопрос реального будущего России в мире XXI века.

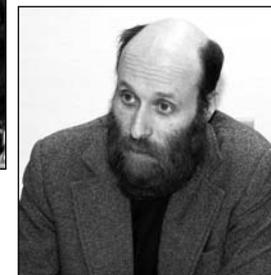
В дискуссии выступили:

Буданов В.Г.

Малинецкий Г.Г.

Шубин А.В.

Чернавский Д.С.

Окара А.Н.

Римский В.Л.

Ремезов М.В.